

Список использованных источников и литературы

1. Государственный архив общественных объединений Гомельской области (ГАООГО). Фонд 1. – Оп. 1. – Д. 12. Протоколы заседаний могилевского и гомельского губкомов РКП(б) и документы к ним. 1919–1920 гг.
2. Революционные комитеты БССР (ноябрь 1918 г. – июль 1920 г.): Сб. док. и материалов. Минск, 1961.
3. Революционные комитеты БССР и их деятельность по упрочению Советской власти и организации социалистического строительства (июль – декабрь 1920 г.): Сб. док. и материалов. Минск, 1957.
4. Государственный архив Гомельской области (ГАГО). Фонд 24. – Оп. 1. – д. 67. Протоколы заседаний гомельского губисполкома. 1919–1920 гг.
5. ГАООГО. Фонд. 1. – Оп. 1. – Д. 211. Протоколы заседаний гомельского губкома РКП(б). 1920 г.
6. ГАООГО. Фонд 1. – Оп. 1. – Д. 213. Протоколы заседаний губкома №№ 38–135. 1920–1921 гг.
7. ГАГО. Фонд 24. – Оп. 1. – Д. 68. Протоколы заседаний гомельского губисполкома. 1920–1921 гг.
8. ГАООГО. Фонд 1. – Оп. 1. – Д. 11. Протоколы пленумов, заседаний президиума и отчеты губисполкома, губернского и уездного военно-революционного комитетов. 1919–1920 гг.

УДК 94(476.2):008:37*19*

А. И. Зеленкова

Гомель, УО «Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины»

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ «КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ» (НА ПРИМЕРЕ ГОМЕЛЬЩИНЫ 1920-Х ГОДОВ)

В первое послереволюционные десятилетия важнейшее значение для партии большевиков приобретали вопросы культурной политики и формирования системы партийного руководства сферой культуры. В статье отражено проведение культурных преобразований в 1920-е годы на Гомельщине на фоне осуществления культурной политики советской власти.

Основные принципы культурной политики большевиков были заложены в важнейших идеологических и программных документах партии, первых декретах Советской власти в области культуры, написанных В. Лениным. Большевики поначалу не имели программы «культурной революции». Они считали, что революционная действительность создаст новую культуру как «живое творчество масс» во главе с пролетариатом под руководством его партии. Такого рода творчество могло «распространять культуру в массах», формировать ценности и понятия, работающие на идею общественной пользы. Для В. Ленина «живое творчество масс» сужалось до рамок социального, исторического творчества. Большевикам было выгодно всеобщее огрубение нравов, позволявшее без особых помех разрушать прежние структуры управления и утверждаться на их месте. Но стихия стала угрожать и их собственным претензиям на власть. Овладеть революционной стихией должна была государственная политика, в том числе и в области культуры.

Преобразования, происходившие в сфере культуры в 1920–1930-е гг., позднее идеологами партии стали называться культурной революцией. Сам термин «культурная революция» был впервые употреблен В. Лениным в 1923 г. в статье «О кооперации» [1]. Он понимал под ним создание определенных механизмов, с помощью которых будет перестроено духовное основание культуры. В эту деятельность должно быть вовлечено все население страны. Культурная революция рассматривалась большевиками с прагматических позиций. Она должна была способствовать быстрому становлению социалистической культуры (т. е. культуры, ориентированной на построение социализма). Более того, В. Ленин полагал, что основной целью культурной революции должна стать выработка социалистического сознания. В качестве ближайших перспектив «культурной революции» предполагалось решение конкретных проблем, комплекс которых был обозначен В. Лениным как духовная база социализма. Провозглашалась идея демократизации культуры, с помощью которой власть надеялась сделать доступными знания – основы формирования нового мировоззрения. Демократизация предполагала распространение в массах определенного набора ценностей и норм, которые должны были «работать» на идею коллективного созидания нового мира. В начале 1920-х гг. Ленин считал главной задачей «культурничества» «переваживание политического опыта», который накопила советская власть, и овладение определенным «культурным минимумом» для строительства социализма. Народ должен был стать объектом культурных преобразований, проводимых партией и государством. Таким образом, в понятие «культурная революция», которое потом множество

авторов толковали по-своему, чрезвычайно его расширяя, В. Ленин вкладывал совершенно конкретное содержание. Большевики нуждались в такой культурной революции, которая опиралась бы только на большевистский идеологический диктат, как на универсальное средство решения определенных партией задач строительства новой социалистической культуры.

Главная цель партийного влияния в области культуры, состояла, прежде всего, в пропаганде марксистской идеологии, превращении мировоззрения пролетариата в общенародную идеологию. Эти задачи были возложены на агитационно-пропагандистские отделы ЦК РКП (б) и местных партийных комитетов. Они наделялись широкими полномочиями в плане координации и направления всей деятельности в области культуры партийных, государственных и общественных организаций. В 1919–1920 гг. постепенно создаются государственные органы для управления культурой. На местах культурную работу проводили отделы народного образования при Советах, часть функций взял на себя Наркомат по делам национальностей. Постоянно шел поиск наиболее оптимального варианта управленческих структур. Особое место в этой системе занимал Главполитпросвет в силу своего двойного подчинения: в административно-организационном отношении – Наркомпросу, а в идеологическом – АПО ЦК РКП(б). Таким образом, была заложена основа непосредственного партийного руководства культурным строительством.

В местном масштабе руководство всеми культурными процессами осуществлялось губернскими отделами народного образования. Гомельский Губернский отдел народного образования (губоно) был организован 22 апреля 1919, после ликвидации Могилёвской губернии и перемещении всех губернских учреждений в Гомель [2, с. 254]. Губоно осуществляло руководство всей сетью культурно-просветительских учреждений губернии (дошкольное, школьное дело, профессионально-техническое образование, культурная и политико-просветительская работа), которые находились на государственном и местном обеспечении или на обеспечении общественных организаций. Отделы народного образования были созданы в уездах и волостях и подчинялись местным исполкомам. Причём, в волости часто председатель исполкома назначался и заведующим волоно. В документах отмечалось: «Часто председатель волисполкома назначается и заведующим волоно, что мешает работе. Заведующий волоно должен хорошо знать проблемы народного образования, быть подготовленным» [3, с. 16].

Осуществление «культурной революции», требовало значительных усилий в деле создания и развития ее материально-технической базы.

Однако к осени 1921 г. бюджетные ассигнования на нужды учреждений культуры из центра практически прекратились. Согласно декрету СНК от 15 сентября 1921 г. «О мерах к улучшению снабжения школ и других просветительных учреждений», вся ответственность за материальное обеспечение была переложена на местные органы Советской власти. Тяжелее всего приходилось учителям, преподавателям высшей школы, работникам библиотек, изб-читален, пунктов ликбеза, внешкольного воспитания. Они страдали и от свертывания сети культурно-просвет учреждений, и от низкой зарплаты, которая была намного меньше дореволюционной, и от тяжелых условий труда. Почти все здания и помещения давно не ремонтировались, многие обветшали, пришли в негодное состояние. К тому же не хватало мебели, приборов, оборудования, книг, учебников, канцелярских принадлежностей. В ряде мест на одного учителя младших классов приходилось до 100-120 учеников, а в других районах педагоги нередко пополняли ряды безработных, среди которых можно было встретить музыкантов, артистов, библиотекарей, полиграфистов, рабочих и служащих, ранее занятых в бумажном производстве.

В губерниях начинается быстрое сокращение сети культурно-просветительских учреждений. Так, в начале января 1922 г. на Гомельщине действовало 1657 изб-читален, после сокращения их осталось 753, однако к весне того же года реально работало только 430 [4, с. 50]. В конце 1922 г. в губернии осталось 170 изб-читален (по одной на волость). В отчете Гомельского губисполкома VI губсъезду Советов (ноябрь 1922 г.) анализировалось тяжёлое материальное положение культурно-просветительских учреждений и отмечалось, что финансовые трудности отрицательно повлияли на состояние политпросвет работы и создали среди работников «ликвидаторское настроение».

Это поставило низовые властные структуры перед необходимостью искать нетрадиционные способы финансирования – появились различные варианты системы самообложения населения в пользу культурных учреждений и заключения договоров на продовольственное обеспечение работников культуры. Правда, реализация договоров протекала слабо, они не могли обеспечить в нужных размерах содержание культурных учреждений, поскольку материальные возможности местного населения в условиях хозяйственной разрухи были чрезвычайно ограничены. На местах был разработан план сохранения в губерниях следующей сети учреждений: по одному клубу на уезд; по одной избе-читальне на волость, в которой должны сконцентрироваться все виды работы (ликпункт, библиотека), которые будут проводиться одним человеком с целью экономии.

В поисках выхода из кризиса культурно-просветительские учреждения пытались сами заработать деньги. Например, клубы сдавали свои помещения для проведения вечеров и танцев. Губполитпросвет квалифицировал это как «скользкий путь поиска средств и рекомендовал клубам искать возможности для перевода на содержание профессиональными и рабочими организациями». В тяжелом положении оказались и библиотеки. Не хватало средств на приобретение литературы, оплату работников, сохранение фондов. В связи с этим в некоторых местах «как опыт, с использованием классового подхода, введена плата за чтение книг библиотек, доход от которого используется для переплёта книг и других хозяйственных нужд, улучшения материального состояния библиотечных работников» [5, с. 29].

С середины 1920-х гг. постепенно усиливается идеологический диктат власти. Отказ центральных органов власти от финансовой поддержки местных учреждений культуры, сеть которых едва начинала складываться, тем не менее, не означал ухода от контроля за их работой, к руководству учреждениями культуры активно привлекались члены РКП(б). Таким образом, формировался механизм подотчетности работников культуры местным партийным организациям. Наилучшим образом сохранились учреждения, которые несли наибольшую идеологическую нагрузку и поддерживались местными государственными и партийными органами.

Только с середины 1920-х гг. наблюдается общая тенденция на увеличение численности учреждений культуры. Недостаток средств государство в какой-то степени компенсировало умело организованной идеологической работой, увлекавшей огромные массы трудящихся пафосом созидания новой жизни и порождавшей неподдельный энтузиазм, который власть охотно эксплуатировала. Государственное финансирование в условиях хозяйственной разрухи рассматривалось как наиболее действенное средство обеспечения и ускорения культурной работы. К концу 1920-х годов сеть различных культурно-просветительных учреждений на Гомельщине, финансируемых из государственного бюджета, насчитывала 33 тысячи.

Проблема подготовки и переподготовки кадрового состава относилась к числу тех, что весьма остро встали перед советским государством к началу 1920-х годов. Для эффективной воспитательной и просветительской работы в стране необходимы были образованные, знающие люди, специалисты. Власть не располагала достаточным количеством таких специалистов. По Гомельской губернии только 9,8 % из общего числа учителей имели высшее образование, однако оно было общим, т.к. в России не была распространена сеть высшего

педагогического образования. 50 % учителей, имевших высшее образование, работали в школах губернского центра, в Гомеле, либо в школах бывшего губернского центра – Могилёве. Среднее педагогическое образование имели 15,4 % учителей, причем, 89 % из них составляли мужчины, 36 % имели общее среднее образование, и большинство составляли женщины (82,6 %). Почти 10 % учителей Гомельской губернии не имели образования [6, с. 54]. Губернское руководство считало, что 60 % учителей Гомельщины не соответствуют квалификации и значительная часть не способна решать возложенные на школу задачи. Уездам рекомендовалось подобрать способных школьных работников [3, с. 15]. Вакансии заполнялись в лучшем случае бывшими учителями или выпускниками школ II ст. Нередко должность учителя занимали «граждане, подавшие заявление, не вызывающие сомнения в социальной принадлежности и имевшие документы о получении общего образования». Таким образом, по Гомельской губернии к середине 1920-х годов образовательный ценз учителей оставался невысоким: учителя с высшим образованием и учительскими институтами – 2 %; окончившие педтехникумы и учительские семинарии – 12 %; педагогические курсы – 2 %; учителя со средним образованием (духовные семинарии, епархиальные училища) – 50 %; учителя без среднего и специального педагогического образования – 34 % [7, с. 38]. Поэтому предстояло, во-первых, привлечь на свою сторону старую интеллигенцию и, во-вторых, создать новые кадры из рабочих и крестьян.

Создание кадров новой интеллигенции осуществлялось как путем выдвижения наиболее опытных и талантливых представителей рабочего класса и крестьянства, так и путем подготовки специалистов в вузах и техникумах. Командные посты, учительские кадры в пролетарском государстве должны были занимать сами рабочие. Выдвижение рабочих и крестьян на руководящую работу в партийных, государственных и хозяйственных органах имело громадное значение для формирования советского государственного аппарата. Например, по Гомельской губернии в 1922/23 учебном году социальный состав школьных работников имел: выходцев из рабочих – 66 чел., крестьян – 695, мещан – 179, чиновников – 169, дворян – 139, духовенства – 220 [3, с. 15]. Причём, как отмечалось в одном из документов, ситуация в этот период уже начала значительно меняться, 1922/23 учебный год наконец принёс очень важное изменение – «советизацию учительства, который внесёт в школу свежую волну бодрости и уверенности, ... внесёт советскую душу» [6, с. 6]. Поэтому в школьной переписи 1927 года уже 5,3 % из всего числа учителей происходило из рабочих,

48,2 % – из крестьян, 18,2 % – из служащих, из прочих слоев (включая буржуазных и мелкобуржуазных) – 28,3.

Подготовке и переподготовке учителей придавалось приоритетное значение, так как основным кадровым резервом для решения задач культурного развития было учительство, которое помимо своих основных обязанностей, занимались и культурно-просветительной деятельностью. Отсюда в документах часто упоминается, что «основной кадр работников изб-читален и красных уголков состоит главным образом из учителей».

В рамках реализации культурной политики проводились мероприятия, способствовавшие как повышению уровня грамотности граждан, так и распространению среди широких слоев населения мировоззренческих установок советской власти, идей социализма. С первых дней существования советское правительство провозгласило, что грамотность и образованность должны стать фундаментом постройки нового социалистического общества. В культурно-просветительной деятельности уделялось самое серьезное внимание проведению агитации и пропаганде культурных преобразований в обществе путем распространения листовок, брошюр, организации специальных праздников, бесед. Смещение воспитательных акцентов на идеологию и политику заставило властные структуры использовать в воспитательных целях не только учебно-воспитательные, но и досуговые учреждения.

Таким образом, в 1921–1929 гг. советской властью были предприняты серьезные попытки по укреплению и развитию социокультурной инфраструктуры. Однако серьезные экономические трудности первого этапа НЭПа не позволили осуществить задуманное. Только с середины 1920-х гг. наблюдается общая тенденция на увеличение численности учреждений культуры. В первой половине 1920-х гг. можно говорить об определенной гибкости политики в области культуры. Однако, с середины 1920-х гг. постепенно усиливается идеологический диктат органов власти, что сказывается как на формах, так и содержании деятельности учреждений культуры.

Список использованных источников и литературы

1. Ленин, В. И. О кооперации / В. И. Ленин. – 5-е изд. // Полн. собр. соч.: в 55 т. – М., Изд-во политической литературы, 1970. – Т. 45. – С. 369–377.

2. Отчёт Гомельского губернского исполнительного комитета VI-му губернскому съезду Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. (декабрь 1921 – ноябрь 1922 гг.). – Гомель: Изд. Гом. губисп-ма, 1923. – 451 с.

3. Отчёт 3-го Совецания работников деревни Гомельской губернии (25–29 апреля 1924 г.). – Гомель: Изд. Гом. губисп-ма, 1924. – 116 с.
4. Отчёт Совету труда и обороны с 1-го октября 1921 г. по 1 апреля 1922 г. – Гомель, Изд. Гом. губисп-ма, 1922. – 65 с.
5. Куница, Я. О культурно-массовой работе / Я. Куница // Полесский коммунар. – 1925. – № 17. – С. 28–32.
6. Народное просвещение в Гомельской губернии. Итоги и перспективы на 1922–23 учебный год: Материалы к IX губконференции РКП. – Гомель: Кооп. изд-во “Гомельский рабочий”, 1923. – 116 с.
7. Рожков, Н. В дороге. На путях всеобщего обучения в Гомельской губернии (очерк) / Н. Рожков. – Гомель: Изд-во Гом. губоно, 1926. – 68 с.

УДК 821.161.3(=162.1)”1920/1930”

В. Н. Сидоренко

Гомель, УО «Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины»

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ НАСТРОЕНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ ПОЛЬСКОЯЗЫЧНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ БССР (1920–1930-е ГОДЫ)

Статья посвящена особенностям развития польскоязычной литературы в БССР в межвоенный период. В ней рассматриваются некоторые аспекты, повлиявшие на тематику произведений авторов, писавших на польском языке. Данная литература была предназначена для польского этнического меньшинства и её публикация поддерживалась советской властью в рамках осуществления национальной политики в 1920–1930-х гг. Произведения советских польскоязычных авторов возможно использовать как исторические источники.

В 1920–1930-х гг. в БССР проводилась национальная политика призванная привлечь на сторону советской власти национальные меньшинства: поляков, евреев, немцев, татар, литовцев, украинцев, русских, латышей, цыган и др. Её основными направлениями было упорядочение землепользования, коренизация, открытие национальных школ, национальных сельских и местечковых советов, национальных судебных камер, использование родного языка при обращении в советские органы власти, периодическая печать на родном языке и т.д. Осуществлять соответствующие мероприятия должны были местные национальные бюро.